

ВЛАДИМИР ГЕРЬЕ

ФРАНЦУЗСКИЙ
ЭТИК-СОЦИАЛИСТ
XVIII ВЕКА

Владимир Герье

**Французский этик-
социалист XVIII века**

«Public Domain»

1883

Герье В. И.

Французский этик-социалист XVIII века / В. И. Герье — «Public Domain», 1883

«В 1787 году, за два года до революции, перед королевской академией „Надписей“ было произнесено, в память одного из, знаменитых писателей того времени, похвальное, начинавшееся следующим образом: „Пятнадцать веков весь мир был подернут густым мраком; всякий свет погас; источники нравственности были отравлены; под именем политики чествовалось искусство поработать и обманывать людей; это пагубное искусство было облечено в точные формулы, и развращенные писатели научали честолюбцев быть несправедливыми по принципу и систематично коварными...“»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	11
-----------------------------------	----

Владимир Герье

Французский этик-социалист XVIII века

Les Vertus Humaines ont leur délire.

Mably. Oeuvres Comp. T. XV, p. 255.

В 1787 году, за два года до революции, перед королевской академией «Надписей» было произнесено, в память одного из, знаменитых писателей того времени, *похвальное*, начинавшееся следующим образом: «Пятнадцать веков весь мир был подернут густым мраком; всякий свет погас; источники нравственности были отравлены; под именем политики чествовалось искусство поработать и обманывать людей; это пагубное искусство было облечено в точные формулы, и развращенные писатели научали честолюбцев быть несправедливыми по принципу и систематично коварными. Если некоторые личности силою своего гения и поднимались над всеобщим развратом, то они не были в состоянии исправить свой век, и все их планы погибали вместе с ними. Честолюбие продолжало вводить нас в заблуждение. Открытие нового мира, торговля, художества доставили нам новые богатства и, вместе с тем, вызвали среди нас лишние потребности и новые пороки. Народы, прежде искавшие себе славы в честолюбивых затеях и завоеваниях, теперь стали искать счастья в удовлетворении своего корыстолюбия и в наслаждении роскошью; всякая мера была забыта; золото сделалось божеством для Европы; добродетель превратилась в пустой звук, а честные нравы, преданные забвению, стали предметом презрения и насмешки. Но среди нас явился человек, воспитанный на творениях классиков, который нашел в них следы того небесного идеала, той нравственной красоты, самое чутье которых мы утратили; один из первых между новыми писателями он раскрыл нам тесную связь между этикой и политикой, доказал, что нравы составляют источник и основание общественного благополучия; он призывал всех людей и все общества усвоить себе эту простую и возвышенную в своей простоте идею. Вся его жизнь, все его сочинения, написанные в течение сорока лет, были посвящены развитию этой полезной и плодотворной истины. Свои положения он доказывал опытом всех веков и примером всех народов; все, что он писал, было проникнуто строгим единством, не скажу системы, но учения, от которого он никогда не удалялся. Принципы его были определены; он упорно держался за них, никогда не колеблясь и не блуждая по капризу модных мнений. Он высказывал суровые истины и заявлял их не только сильно и энергично, но иногда и с резкостью, которая есть ничто иное, как негодование добродетели, раздражающейся при виде пороков и несправедливостей; и, тем не менее, в наш век, до крайней степени легкомысленный и развращенный, он находил друзей и читателей. Таков был мудрый и добродетельный человек, память которого мы собрались почтить»¹.

Кому воздавал оратор такую торжественную похвалу? Кого разумел он из тех философов XVIII века, которые новизной своих идей прославились во всей Европе и были почитаемы, как благодетели человечества? Большинство современных читателей, даже в самой Франции, затруднилось бы теперь угадать имя писателя, за которым признавалась такая культурная роль, и пришлось бы даже в некоторое недоумение, узнавши, что предметом высокопарной речи был аббат Габриель *Бонно де-Мабли*.

Между тем, немного можно указать писателей, которые стояли так высоко в общественном мнении Франции и образованной европейской публики и которые пользовались, в свое время, таким нравственным и ученым авторитетом в глазах людей самых различных взглядов и положений, как именно Мабли. Он был предметом восторженного поклонения в кружках, мечтавших о всеобщем благоденствии на основании нравственного перерождения и переустрой-

¹ Brizard Eloge Historique de Mably.

ства общества; так, к числу самых горячих поклонниц его принадлежала герцогиня д'Анвиль, в салоне которой встречались самые *передовые* люди дореволюционной эпохи, и развивались самые радикальные теории; где, например, молодой Барер, будущий докладчик комитета общественного спасения, встречал Кондорсе, Джеферсона и Лафайета и много наслушался об американцах и их *усовершенствованной конституции*². По настоянию влиятельной герцогини и на её деньги, академия устроила конкурс для похвального слова в память Мабли. в этом конкурсе, кроме аббата Бризара, принял участие и известный в свое время историк Левек, слово которого менее патетично, но более богато сведениями о Мабли и критическими суждениями о его ученой деятельности. К Мабли, так же как и к Руссо, обратились польские магнаты с просьбой составить проект государственного устройства для их страны. При французском дворе думали поручить ему воспитание дофина; а сам Людовик XVI так почитал Мабли, что, еще в 1792 году, желая поблагодарить одного преданного ему публициста за представленный им проект, отозвался о последнем, как об образце политики и философии, «который сделал бы честь самому Мабли».

Странный контраст с этим всеобщим сочувствием к Мабли в XVIII веке представляет теперешнее невнимание к нему со стороны его соотечественников³. Винить за это следует, конечно, прежде всего историков литературы и политических теорий в XVIII веке, которые обыкновенно довольствуются тем, что изучают произведения и направления только главных деятелей в умственном движении прошлого века, едва касаясь остальных писателей. Так, например, Вильмен, а в наше время Лоран, посвятившие по несколько томов критике литературы XVIII века, оба ограничились знакомством с самой незначительной частью произведений Мабли и потому говорят о нем вскользь. Следствием такого отношения к делу со стороны исследователей является недостаточное знакомство публики с духовной историей французского общества в том веке, который подготовил революцию, и поверхностное представление как о причинах этого переворота, так и об идеях, игравших в нем главную роль.

Особенно ощутителен в генетической истории революции пробел, который обуславливается в ней невниманием к литературной деятельности Мабли. Современный историк, конечно, не присоединится к восторженному отзыву Бризара, даже отбросив риторическую его форму; но, расходясь с автором похвальной речи в оценке его друга и в самых мотивах оценки, он, все-таки, должен будет отвести аббату Мабли одно из самых видных мест в культурной истории Франции и в литературе революционных идей. Не раз делались попытки указать, каким образом отразились на речах и действиях революционного поколения идеи того или другого из главных вождей литературного движения в XVIII веке. Но история революции представляет нам еще и такие черты и явления, которые нельзя отнести к влиянию Монтескье, энциклопедистов или Руссо, и на которых отражаются непосредственно и ярко образ мысли Мабли и круг идей, в которых он вращался. Влияние Мабли, или, по крайней мере, соответствие между его доктриной и событиями, проходит через всю эпоху французской революции.

Всем до некоторой степени известно, каким революционным ферментом сделалась идея *народовластия*, которой Руссо придал такой конкретный, материальный смысл; как сильно содействовала возбуждению страстей его чувствительная идеализация народных масс; но та политическая формула, основанная на идее господства *законодательной* власти над *исполнительной*, которая послужила рычагом к свержению *старого порядка* и определила характер и все дальнейшее развитие французской *царствующей* демократии, была, как мы увидим ниже, высказана Мабли еще за 20 лет до революции. Господство этой формулы обнимает эпоху наци-

² Mémoires de Barère I, 376. Герцогиня д'Анвиль была матерью герцога де-Ларошфуко, прославившагося своей ультра-либеральной деятельностью в учредительном собрании; она имела несчастье быть свидетельницей его ужасной смерти в Жизоре от рук толпы, подстрекаемой эмиссарами парижской коммуны, произведшей сентябрьские убийства.

³ До сих пор, кроме упомянутых двух *похвальных слов* и небольшой статьи в Biographie Universelle, не существует ни одного исследования о жизни и сочинениях писателя, славу которого *конвент* постановил увековечить гробницей в *Пантеоне*.

онального собрания, а также и законодательного; она сначала послужила средством для мирного уничтожения монархии путем законодательных или конституционных мер, затем, при втором собрании, для неконституционного, насильственного устранения её.

Время конвента было торжеством политической теории, низведшей *исполнительную власть* на степень подчиненного орудия *закона*, воплощаемого в народном собрании, и, вместе с тем, было эпохой испытания и практической проверки этой теории, сформулированной аббатом Мабли; но в истории конвента мы встречаемся, кроме того, с другой, совершенно различной, стороной учения этого теоретика-моралиста. Относительно эпохи конвента и властвовавших в нем якобинцев до сих пор распространены не только в обществе, но и между специалистами изумительные недоразумения. Недавно переведена на русский язык книга одного английского ученого, где говорится «об очистительном огне якобинства», о том, что «бешеный поток социальной энергии, в которой якобинцы затопили Францию, был столько же необходим для неё, сколько поток варваров был необходим для перерождения римской империи». Слова эти, подтверждают, что самый решительный позитивизм в философии не спасает писателя от не научных суждений и легкомысленных аналогий, как это случилось с ученым Морлеем, которому принадлежит приведенное мнение⁴. В основании французского якобинства лежало глубокое противоречие, которое неизбежно должно было довести его представителей до самоистребления и корни которого можно проследить в предшествующей литературе. Согласно между собой в политическом радикализме и стремлении к диктатуре, дружно прибегая к одним и тем же средствам для истребления своих противников, якобинцы совершенно расходились между собой в социальных и этических идеалах. То был, с одной стороны, фанатизм безверия и материалистического благополучия, с другой – фанатизм доктринерной этики, основанной на религиозно-философском начале и на принципах стоического и аскетического. Корни последнего направления, насколько оно высказалось в революции, идут от Руссо и преимущественно от Мабли. Если можно говорить в виду безнравственных средств и результатов о нравственной струе среди якобинства, то это должно относиться только к тому направлению его, главным, хотя и не самым благородным, представителем которого явился Робеспьер. Чтобы правильно судить о нравственном и практическом значении этого направления, нужно оторвать его от примеси случайных условий и личного элемента в истории якобинства, а для этого всего удобнее рассмотреть его в сочинениях Мабли.

С идеями Мабли мы встречаемся еще и в ту эпоху революции, когда начал происходить обратный политический процесс и *исполнительная власть* стада, с своей стороны, предписывать *закон* представителям *народа* – во время директории: единственная чисто социалистическая вспышка в прошлом веже – заговор Бабёфа, является попыткой практически осуществить идеал, всего обстоятельнее и реальнее изображенный в сочинениях Мабли.

Произведения этого писателя, впрочем, представляют нам не один только отвлеченно-научный интерес; они важны не только для знакомства с идеалами XVIII века и с историей революции. Вторая половина нашего века снова выдвинула на первый план проблемы, которыми преимущественно занимался Мабли.

Вопрос об отношении этики к политике, нравственных начал в положительному законодательству возбуждается вновь и требует особенно тщательного внимания в русской публицистике. Вопрос этот можно назвать вечным, т. е. не допускающим никакой абсолютной формулы: политика и этика представляют самостоятельные области; но границы их смежны и могут быть передвигаемы в ту или в другую стороны; всякое практическое разрешение относящихся сюда вопросов должно быть поставлено в зависимость от исторических и экономических условий страны и от нравственной и политической зрелости данного общества. Но именно потому, что этика и политика смежны, всегда будут люди, которые станут искать разрешения

⁴ Морлей. *Дидро и энциклопедисты*. Перев. Неведомского, стр. 251-2.

политических и нравственных вопросов в отождествлении политики и этики. Неясное отношение к этому вопросу есть основная ошибка той экономической школы, которая вполне справедливо не желает рассматривать человеческое общество только с точки зрения хозяйственного производства, но делает отсюда неправильный вывод, что экономическая наука должна исходить от этических требований. Всякий, кто искал в сочинениях *ученых* представителей *этического социализма* ответа на свои недоумения, согласится, что в них нигде нельзя найти ни точного представления об этике, ни удовлетворительного определения её, и что поэтому все практические выводы, построенные на таком шатком основании, должны оказаться сбивчивыми и неприловимыми в жизни. У дилетантов же этого направления неизбежная смутность понятий, проистекающая от неопределенности начал, высказывается иногда очень наглядно в полном противоречии выводов и положений, когда они, например, вызывают в христианству, как в опоре социалистических учений, или на нравственном требовании любви к ближнему основывают принудительную государственную политику в юридической и финансовой области.

Для выяснения таких недоразумений можем быть особенно полезно изучение теории Мабли, так как у этого писателя вопрос рассмотрен без всяких околичностей и недомолвок, сведен к основным принципам и последовательно проведен до практических требований от политики, которые и могут служить проверкой всему учению.

Недостаточная оценка роди Мабли в умственном движении, подготовившем и направлявшем революцию, объясняется, кроме рутинного способа изучения XVIII столетия, отчасти и положением Мабли среди своего века. Он не примкнул ни в одной из влиятельных литературных партий той эпохи и относился более или менее критически, и даже отрицательно, ко всем господствовавшим тогда направлениям. Он, можно сказать, находился в полной оппозиции во всему своему времени и не скрывал своего презрения в веку *болтовни и парадоксов* (*du gabachage et du paradoxe*), который признавал за собой право «называться веком просвещения»⁵.

Как суровый моралист и социальный реформатор, желавший, путем упрощения нравов и равенства, довести человечество до общения имущества и общего благоденствия, Мабли возмущался современным ему аристократическим обществом, затонувшим «в роскоши и в пороках»; но не менее глубокая бездна отделяла его от господствующего оппозиционного течения, которое присвоило себе исключительное название *философии* и написало на своем знамени: *просвещение и прогресс*. Мабли ставил ему в упрек отсутствие нравственных принципов, непонимание различия между добром и злом, материалистические инстинкты и стремление к чувственному благополучию, а потому он не хотел признавать «великими философами сотню мелких людей, которым он почти принужден отказать в здравом смысле».

Отношение Мабли к рационалистическому и отрицательному движению, из которого вышли энциклопедисты всего лучше определяется его отношением к патриарху XVIII века, о котором им часто, и всегда очень резко, говорит в своих сочинениях. Взаимное нерасположение Мабли и Вольтера объясняют их тщеславным самолюбием: Мабли вступился за одного мелкого литератора, которого Вольтер осмеял; раздраженный этим вмешательством, Вольтер задел в стихах самого Мабли, – но этого анекдотического факта вовсе не нужно для объяснения их отношений. Для Мабли все должно было быть противно в Вольтере, – как убеждения, так и способ распространения их, как литературные приемы, так и личные вкусы владельца Ферне. Вольтер был в глазах Мабли самым видным представителем тех «софистов», которые развращают нравственные инстинкты людей, ставя им ложные цели и возбуждая в них дурные страсти. Как человек строгих убеждений, из-за них покинувший почетную карьеру, Мабли смотрел с презрением на искусство фернейского философа, который умел идти во главе революционного движения и, в то же время, быть в дружбе с коронованными особами и даже писать

⁵ Mably. Du Développement, des Progrès et des Bornes de la Raison. Oeuvres. Ed. Paris, an III, t. XV, p. 8.

стихи в честь г-жи Дюбари. Мабли иронически восклицает: «Сколько разных лиц представляет из себя Вольтер, чтобы нас поучать! Никогда почти не бывая самим собой, он является то богословом, то философом, китайцем, придворным священником короля прусского, индиейцем, атеистом, деистом; да чем он не бывал? Он пишет для людей всякого рода, даже таких, для которых шутка или каламбур более убедительны, чем разумный довод». Будучи не только ученым историком, но и критиком, о чем свидетельствует замечательное исследование о древней и современной историографии, Мабли имел в этом сочинении⁶ особенно много поводов осуждать Вольтера.

Всего более он укоряет его за непонимание взаимной связи человеческих страстей и пороков. Знаменитый «Очерк нравов», представляющий собой один из первых опытов философской истории с точки зрения *просветительного* направления XVIII века, именно за это направление оценивается аббатом Мабли весьма строго. Отсутствие нравственной точки зрения повлекло за собой, по мнению Мабли, сбивчивость понятий и противоречия в суждениях историка: «поэтому он в одной главе макиавелист, в другой – восхваляет честность; ревностный поклонник роскоши, он глумится над правительствами, которые издавали законы для ограничения её, а в другом месте говорит, что швейцарцам были неизвестны науки и искусства, порождаемые роскошью, но что они были мудры и счастливы. Разумные суждения, которые он иногда нечаянно высказывает, служат только доказательством того, как он мало вникает в дело. В его сочинениях можно найти только полуистины, которые становятся заблуждениями, потому что он дает им слишком мало или слишком много веса. Ни в чем он не соблюдает справедливой меры, ничто не изображено у него настоящими красками».

И сам Мабли так сильно увлекался политическими тенденциями, что совершенно извратил политический смысл некоторых эпох, о которых писал; но, при всем этом, он был ученым исследователем и трудолюбиво разрабатывал свой научный материал. Понятно, как ему должны были быть антипатичны та легкость работы, та самоуверенность, заменяющая ученость начитанностью, которыми так отличался Вольтер. Мабли нередко пользуется случаем, чтобы сорвать с своего противника маску учености: так, например, он доказывает, что Вольтер или не читал, или не понимал *капитуляриев* Карла Великого, на которые ссылается; в другом случае, Мабли осуждает Вольтера за то, что последний наполнил историю Карла XII совершенно ненужными сведениями, – опустив существенное, «так что герой действует неизвестно из-за чего, а автор следует за ним, как помешанный, который гоняется за другим помешанным»; в совершенное уже негодование приходит Мабли от исторической критики Вольтера, доказывавшего, например, неправдоподобность предания о Лукреции посредством такого аргумента, который Мабли справедливо называет «плохой шуткой, позорной для историка». Цинические выходки Вольтера неподдельно возмущали Мабли; это единственный из известных французских писателей XVIII века, у которого не встречается ничего подобного; но не один только цинизм в мыслях или выражениях Вольтера оскорблял Мабли. Он признавал вообще недостойной серьезного исторического повествования забавную шутку, которой Вольтер владел с такой неподражаемой грацией. «Я мог бы простить ему, – говорит Мабли, – его ложный взгляд на политику, его плохую мораль, его невежество и смелость, с которой он умаляет, искажает и извращает большую часть фактов; но он не хочет примириться с его „неприличным буфонством“; он находит, что „смеяться и шутить над заблуждениями, которые касаются счастья людей“ есть не только признак плохого вкуса, но свидетельствует об отсутствии прирожденной честности (*d'honnêteté dans l'âme*).

Нравственный риторизм, с которым Мабли относится к Вольтеру, уже показывает, к какому из двух направлений, разделявших общество XVIII века, он более склонялся: к тому ли, которое, руководясь преимущественно рассудком, хотело знать одно только *просвещение* и

⁶ De la Manière d'Ecrire l'Histoire, p. 348–347, 440–480.

уничтожить все несогласное с *разумом*, или же Мабли стоял ближе к направлению противоположному, которое относилось скептически и даже отрицательно в философскому просвещению и основанной на нем цивилизации, т. е. к направлению, главой которого был Руссо? Между Мабли и Руссо так много точек соприкосновения, и Мабли является в таких существенных вопросах горячим поборником идей, которые проводил Руссо, что многие считали Мабли продолжателем последнего. Действительно, влияние Руссо на Мабли несомненно; однако, с другой стороны, роль Мабли настолько самостоятельна и оригинальна, что было бы неправильно смотреть на него, как на простого подражателя Руссо. Это заставляет нас остановиться внимательнее на отношениях этих писателей, указать точнее на то, что у Мабли общего с Руссо и в чем он от него отстает.

Хотя Мабли и начал писать раньше, чем Руссо, образ мысли и направление последнего тотчас отразились на дальнейшей литературной деятельности Мабли; сам Руссо был в этом настолько убежден, что в своей *Исповеди* назвал вышедшее в 1763 г. сочинение Мабли – *Беседы Фокиона*, – *бессовестной и бесстыдной компиляцией*. в этом отзыве так же мало правды, как во многих других, внушенных автору *Исповеди* его раздраженным самолюбием. Сам Мабли, не объясняя ближе своего отношения к Руссо, упоминает о нем редко и в этих случаях отзывается о нем с уважением; если же отстает от его мнений или даже полемизирует с ним, то не называя его.

Мабли был несомненно образованнее и начитаннее Руссо; он обладал серьезным знакомством с классическими писателями и обширными сведениями в новой исторической литературе. Его жизнь сложилась гораздо. благоприятнее, чем у Руссо, для правильного суждения о социальных отношениях; Мабли по рождению принадлежал к тону обществу, к которому тщеславие так влекло и от которого так отталкивало женеvского гражданина., которое он так презирал и которому, вместе с тем, так завидовал; Мабли без борьбы занял такое положение, которое дало ему возможность узнать людей и способы управлять и руководить ими; поэтому увлечение утопическими идеалами имело у Мабли менее основания в личной судьбе, чем страстные парадоксы Руссо. При полном отсутствии чувственности, столь развитой у Руссо, Мабли обладал большей твердостью воли; потому он не находил в самом себе поводов к противоположению рассудка и нравственной совести, какое так часто проявляется в жизни и в рассуждениях Руссо. Наконец, Мабли совершенно не доставало той чувствительности, которою отличались в XVIII веке даже чисто рассудочные люди. При таких задатках для Мабли было гораздо труднее придти к тому отрицательному взгляду на современное общество и на цивилизацию вообще, к которому непосредственно влекли Руссо его чувствительность, его нервное раздражение, поддерживаемое опытом жизни, его поэтическая фантазия. В виду всего этого, страстная декламация Руссо была, может быть, необходима для того, чтобы увлечь по этому пути Мабли, чтобы произвести в нем тот перелом, который поставил его в оппозицию к современной ему культуре и просветительным стремлениям XVIII века. Но, получив от Руссо толчен в этом направлении, отрицая во имя религиозно-нравственного начала как философию энциклопедистов, так и основанное на свободном труде и личном имуществе общество, признавая нравственность несовместимой с богатством и неравенством, отыскивая свои идеалы за пределами истории человеческой культуры и вне области цивилизации, Мабли сохранил, с одной стороны, большую трезвость, с другой – пошел вперед с догматической рассудочностью, не останавливаясь ни перед чем. Одним словом, он сделался доктринерным теоретиком того направления, вдохновленным пророком которого был Руссо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.